

П. Н. Милюков

**Лекции по "Введению в курс Русской
истории"**

1894-1895 акад. год

УДК 304
ББК 60.5
П11

П11 **П. Н. Миллюков**
Лекции по "Введению в курс Русской истории": 1894-1895 акад. год / П. Н. Миллюков – М.: Книга по Требованию, 2013. – 684 с.

ISBN 978-5-4241-9431-3

Лекции по "Введению в курс Русской истории", читанные на Историко-филологическом факультете Московского университета в 1894-1895 акад. году прив.доцентом П. Н. Миллюковым.

ISBN 978-5-4241-9431-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

исторіи. Принимаясь за обработку этого матеріала, представители научной исторіи должны были скоро замѣтить, что не все въ ней одинаково легко поддается законмѣрному объясненію; не вездѣ можно увѣдѣть правильность явленій. Менѣе всего правильности, какъ оказалось, въ тѣхъ явленіяхъ исторіи, которыя преимущественно или даже почти исключительно, интересовали прежде историковъ и составляли главное содержаніе историческаго разсказа: въ смѣнахъ династій и правящихъ лицъ, придворныхъ событіяхъ, въ ходѣ и исходѣ военныхъ операцій и т.д. Всмотрѣвшись глубже въ прошлую жизнь народовъ, историки замѣтили, что всѣ эти, не поддающіяся объясненію, явленія составляютъ лишь тонкій верхній слой народной жизни, своего рода пѣну на поверхности историческаго океана, и что они мало отражаются въ глубинѣ народной массы. Перенеся свои наблюденія изъ верхнихъ въ нижшіе слои историческаго потока, исследователи сразу же должны были замѣтить, что вмѣстѣ съ большей неподвижностью и устойчивостью явленій здѣсь можно наблюдать искомую правильность и единообразіе. Чтобы точнѣе опредѣлить причины этой правильности, чтобы свести ее къ закону, оставалось сдѣлать то, что всегда приходится дѣлать, когда мы не можемъ взять, такъ сказать, въ руки наследуемое явленіе, не можемъ произвести надъ нимъ нарочнаго, искусственно обставленнаго опыта. Оставалось сопоставить нѣсколько историческихъ процессовъ, наблюдать и сравнивать ихъ, отмѣчать между ними сходство и различіе. Сходство, наблюдаемое такимъ образомъ, должно было объясняться общими причинами, одинаково дѣйствующими во всѣхъ челоуѣческихъ обществахъ; различіе же

должно было обуславливаться разницей во внешних условиях, въ обстановкѣ историческо: жизни различныхъ народностей. Если разницы отмѣчены и сведены къ определенной причинѣ, въ такомъ случаѣ мы можемъ мысленно устранить эту причину, можемъ представить себѣ процессъ историческаго развитія въ какой бы то ни было данной обстановки или въ ея влиянія; такимъ образомъ, мы можемъ составить себѣ понятіе объ основномъ направленіи общественнаго развитія въ его чистомъ видѣ. Но къ такому же понятію мы можемъ придти и другимъ путемъ, - не путемъ сравненія нѣсколькихъ данныхъ исторій, не индуктивно, а дедуктивно, - путемъ прямого вывода изъ нѣкоторыхъ основныхъ свойствъ, присущихъ всякому человѣческому обществу. Возьмемъ для примѣра основной и необходимый фивіологическій фактъ, - способность людей къ размноженію и перевѣсъ рождающихся вновь людей надъ умирающими. Изъ этой способности естественно вытекаетъ, что населеніе всякой страны, каковы бы ни были ея особенности, будетъ имѣть стремленіе къ увеличенію. Увеличеніе населенія сдѣластъ необходимымъ увеличить ту сумму средствъ къ жизни, которую они извлекаютъ изъ окружающей обстановки. Одна и та же обстановка можетъ дать тѣмъ болѣе средствъ къ жизни чѣмъ болѣе къ ней приложено человѣческаго труда. Стало бытъ напряженность | интенсивность | труда, предлагаемаго къ той же единицѣ площади будетъ необходимо возрастать съ увеличеніемъ населенія, а вмѣстѣ будутъ мѣняться и форма труда. Ловля животныхъ, требующая наименьшей траты труда | охотничій бытъ | замѣнится болѣе тяжелымъ прирученіемъ животныхъ и уходомъ за ними, сперва по возможности легкимъ | коче-

вой пастушескій бытъ|. Уходъ за животными уступить въ свою очередь мѣсто еще болѣе трудному уходу за землею |земледѣльческій бытъ| и уходъ за землею будетъ дѣлаться съ теченіемъ времени все болѣе интенсивнѣе, начиная отъ простаго пользованія землею въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ до полнаго истощенія, послѣ котораго необходимо бросить надолго землю, и кончая искусственнымъ удобреніемъ и самими сложными рядами перемѣнъ въ посѣвахъ, - перемѣнъ, рассчитанныхъ такъ, чтобы вернуть землѣ только что вятые у нея составные элементы. Вы видите, - здѣсь передъ вами цѣлый рядъ матеріальныхъ состояній, переходящихъ одно въ другое подъ вліяніемъ одного и того же фактора - размноженія населенія. Или другой примѣръ: Мы знаемъ, что развитіе душевной жизни человека совершается посредствомъ накопленія опыта, что опытъ, накопленный однимъ лицомъ, передается наслѣдственно отъ поколѣнія къ поколѣнію. Достаточно знать эти факты, чтобы заключить, что въ рядѣ поколѣній должны произойти столь же послѣдовательныя и законномѣрныя перемѣны въ области душевной жизни, какія мы только что видѣли въ области матеріальной жизни; душевная жизнь должна будетъ развиваться, становясь все болѣе устойчивой и цѣлесообразной; высшія способности должны будутъ все болѣе получать власть надъ низшими. И такъ, этимъ путемъ мы приходимъ все къ тому же представленію, что существуетъ нѣкоторый основнй, законномѣрный процессъ развитія человѣческаго общества, вытекающій изъ внутреннихъ свойствъ этого общества и, слѣдовательно, для всякой общественной группы одинаковій.

Но осуществляется ли этот процесс на дѣлѣ въ своемъ чистомъ видѣ? Разумѣется, нѣтъ. Въ чистомъ видѣ онъ есть простая абстракція, отвлечение нашего ума, простая логическая возможность. Чтобы перейти изъ возможности въ дѣйствительность, это основное стремленіе человеческого общества должно преломиться въ призмѣ реальныхъ условій исторической жизни. Прослѣдимъ за главными условіями осуществленія нашей основной тенденціи исторического процесса; поднявшись только что отъ реально-даннаго къ вышнему отвлеченію, спустимся теперь тѣмъ же путемъ обратно въ историческую дѣйствительность.

Прежде всего, въ дѣйствительности не существуетъ вообще народа, а есть только данные народы съ особыми, свойственными только каждому изъ нихъ признаками физическими, физиологическими и психологическими. Другими словами, въ дѣйствительности существуютъ только отдѣльныя національности. Конечно, національныя особенности кладутъ свою печать на исторію и видоизмѣняютъ основную тенденцію исторического процесса. Но я лично принадлежу къ числу людей, несклонныхъ придавать этого рода вліянію значительной роли. Дѣло въ томъ, во-первыхъ, что сами эти національныя отличія, національный типъ и характеръ не есть нѣчто искони данное, а благопріобрѣтенное въ теченіе того же исторического процесса; не первичное, не основное, а лишь вторичное историческое явленіе. Сложившись разъ, это явленіе можетъ оказывать, конечно, свою долю вліянія на историческій процессъ: - вліяніе, главнымъ образомъ, задерживающее, какъ все унаслѣдованное отъ прошлаго. Но

въ своей исходной точкѣ, это явленіе, какъ я ска-
залъ, само есть итогъ исторіи, результатъ другихъ
болѣе основныхъ условій исторической жизни. Посколь-
ку же, восторжъ, національныя особенности сами
оказываютъ вліяніе на исторію, оцѣнка этого вліянія
сильно затрудняется какъ неувимостью характера по-
добныхъ вліяній, такъ и тѣми преувеличеніями, къ
которымъ склонно въ этомъ вопросѣ національное само-
любіе и противъ котораго особенно долженъ держаться
насторожѣ историкъ. Въ концѣ концовъ, при настоящемъ
состояніи нашей науки¹¹ - объяснять что-либо изъ осо-
бенностей національнаго характера, - большей частью
значитъ признаться въ незнаніи и въ безсиліи дать
надлежащее объясненіе. Вотъ почему я прошу васъ не
удивляться, если вы не встрѣтите національной точ-
ки зрѣнія на національную исторію въ моемъ послѣдую-
щемъ изложеніи.

Тѣмъ существеннѣе и безспорнѣе значеніе друго-
го необходимаго условія, видоизмѣняющаго основной
ходъ историческаго развитія. Это именно та данная
среда, реальная обстановка, среди которой соверша-
ется историческое развитіе даннаго народа. Подъ влія-
ніемъ географическихъ, климатическихъ и другихъ ус-
ловій основное направленіе исторической жизни мо-
жетъ разнообразиться до безконечности, до полной
невозможности распознать среди безконечно различ-
ныхъ варіацій одну и ту же основную подкладку. Вер-
немся теперь къ нашему старому примѣру: вліянію на
матеріальный строй общества размноженія населенія.
Представьте, что народъ живетъ среди обстановки, ко-
торая только и даетъ возможность охотничьей или ко-

чевой жизни, - например, въ Лапландіи или въ Киргизскихъ степяхъ. Понятно и безъ историческихъ справокъ, что такой народъ останется навсегда на этихъ ступеняхъ жизни, выработаетъ національный типъ вполнѣ приспособленный къ условіямъ мѣстнаго существованія, а что размноженіе его количества остановится на такихъ размѣрахъ, какіе можетъ содержать населенная имъ страна. Конечно, здѣсь наша основная тенденція не уничтожится, но уничтожится ея дѣйствіе, побѣжденное противоположнымъ вліяніемъ обстановки.

Взсмотримся ближе въ эту взаимную связь основной тенденціи и среды, въ которой она осуществляется. Въ сущности нѣтъ никакой необходимой связи между тѣмъ и другимъ. Почему лопарь попалъ въ Лапландію, а киргизъ въ киргизскую степь; почему русскій попалъ на восточную европейскую равнину, а французъ въ римскую Галлію? Конечно, не потому что одинъ русскій, а другой французъ. не по какимъ - нибудь внутреннимъ условіямъ ихъ общественной жизни. а просто потому, что такъ распредѣлилась суша на данномъ клочкѣ земного шара. то есть, отъ причинъ географическихъ; да еще потому, что таковы были условія ихъ первоначальнаго расселенія. что одни опоздали придти въ мѣста, уже занятыя другими. Стало быть, по отношенію къ внутреннимъ законамъ общественной жизни, причины, по которымъ тотъ-ли, другой-ли народъ попалъ въ ту или другую обстановку. будутъ вѣзичими и въ этомъ смыслѣ случайными. Но трудно было бы заключить отсюда, что первыя причины исторической жизни суть главныя, а вторыя - второстепенныя. Такъ и заключали иногда и даже ставили исключительной вѣд-

чей историка - открыть основной ходъ исторической жизни, а все видоизмѣняющее его отбросить, какъ ненужное. Но такой выводъ былъ бы огромной ошибкой. Въ глазахъ науки нѣтъ главнаго и второстепеннаго, нѣтъ нужнаго и ненужнаго; есть только причины общія и частныя, то есть, съ болѣе широкой и съ менѣе широкой сферой дѣйствія; но все онѣ должны войти въ кругозоръ исследователя. Выдѣлять какую-либо причину для отдѣльнаго разсмотрѣнія мы можемъ только для удобства изслѣдованія; но мы не должны забывать, что въ мирѣ нѣтъ отдѣльно дѣйствующихъ причинъ, а есть только сложныя равновѣствующія и что именно объясненіе послѣднихъ составляетъ послѣднюю задачу науки. Если бы химикъ, позвольте мнѣ воспользоваться этимъ сравненіемъ Шмоллера, разложивъ воздухъ, вдумавъ гадать, что онъ принимаетъ въ расчетъ только азотъ, потому что азота всего больше въ составѣ воздуха, то такого химика погнала бы изъ лабораторіи. Такимъ образомъ, дѣйствіе обстановки есть, какъ я выразился, случайное только по отношенію къ внутреннимъ законамъ общественнаго развитія, но въ общемъ итогѣ исторической жизни оно есть необходимое и открыть его законы составляетъ прямую задачу научной исторіи.

Видоизмѣняющее вліяніе обстановки не ограничивается самой той средой, въ которой живетъ народъ. Въ дѣйствительности ни одинъ народъ не живетъ совершенно, изолированно; каждый народъ окруженъ тѣми или другими опредѣленными народами и государствами; это сосѣдство составляетъ новую причину, еще разъ и

иногда весьма существенно видоизмѣняющую основной ходъ исторической жизни. Примѣровъ я не буду приводить, такъ какъ самый яркій примѣръ мы увидимъ въ самой исторіи Россіи. Замѣчу только, что здѣсь вы имѣете еще случай убѣдиться какое относительное значеніе имѣютъ наши понятія о внѣшнихъ и внутреннихъ, случайныхъ и органическихъ причинахъ исторической жизни. Мы только что назвали вліяніе среды, въ которой живетъ народъ, случайной причиной по отношенію къ внутренней тенденціи историческаго процесса, но по отношенію къ вліянію сосѣдей вліяніе этой среды будетъ уже фактомъ внутренней органической жизни даннаго народа.

Исходя отъ общихъ причинъ историческаго процесса къ все болѣе частнымъ, мы еще не кончили нашего перечисленія. Всѣмъ вамъ извѣстно, что существуетъ, кромѣ названныхъ, еще обширный классъ явленій, вносящихъ наибольшую случайность въ ходъ исторіи и наименѣе подчиняющійся закономерному объясненію. Область исторіи есть область человѣческихъ поступковъ, поступки же есть дѣйствіе безконечно сложнаго механизма человѣческой воли, человѣческой личности, подверженной всѣмъ случайностямъ личнаго существованія. Конечно, дѣйствія этого механизма не безпричинны: но причины, управлявшія дѣятельностью воли и существованіемъ личности, далеко не совпадаютъ съ причинами, управлявшими общимъ ходомъ историческаго процесса. Вы знаете знаменитый примѣръ о полководцѣ, проигравшемъ рѣшительную битву, отъ исхода которой зависѣлъ дальнѣйшій ходъ европейскихъ событій, по причинѣ приключившагося съ нимъ насморка. Конечно, этотъ насморкъ, повліявшій на дѣятельность его воли, не

вытекалъ логически изъ внутренняго историческаго процесса. Да, даже если бы у него и не было насморка и если бы онъ выигралъ битву, мы все таки должны были бы признать, что его дѣйствія, поведшія къ выигрѣшю битвы, не вытекали необходимо ни изъ внутренней тенденціи историческаго развитія, ни изъ условій обстановки, ни даже изъ отношенія данной страны къ сосѣдямъ, вызвавшаго объявленіе войны. Разбирая этотъ случай дальше, мы нашли бы, что и самое явленіе войны не всегда вытекаетъ необходимо изъ сосѣднихъ отношеній, а можетъ быть дѣйствиємъ личной воли, управлявшей государствомъ. Приведемъ другого рода примѣръ, часто употреблявшійся. Эпоха итальянскаго возрожденія произвела Рафаэля, а Рафаэль создалъ сикстинскую мадонну. Конечно, то и другое было на этотъ разъ результатомъ внутренняго историческаго процесса, но могли бы мы вывести необходимымъ образомъ Рафаэля и его мадонну изъ законовъ исторической жизни Италіи? Конечно, нѣтъ; конечно, ни насморкъ полководца, ни геній Рафаэля нельзя объяснить всеобщими законами: полководецъ могъ уберечься отъ насморка, Рафаэль могъ не родиться или умереть въ дѣтствѣ - точно такъ же, какъ онъ могъ дожить до старости при лучшемъ состояніи медицины и подарить потомство еще многими геніальными произведеніями: законы всѣхъ этихъ явленій существуютъ, ибо нѣтъ явленій безпричинныхъ; но они болѣе частны, индивидуальны и по отношенію къ болѣе общимъ законамъ исторической жизни - опять таки случайны. Но къ понятію случайности мы приглядѣлись уже раньше, мы видѣли, что это понятіе имѣетъ лишь относитель -

ное значеніе. Теперь мы только вступили въ новую группу явленій случайности, наиболее рѣзко выражен- ных: явленія этого рода наиболее близки намъ и наи- более доступны нашему наблюденію. Они именно и составляютъ ту пеструю ткань историческихъ событій, которая лежитъ на поверхности историческаго процес- са и скрываетъ отъ насъ его главный ходъ. Намъ нѣтъ надобности отрицать существованія этого поверхност- наго покрова; нельзя и отрицать того, что на ряду съ безразличными явленіями здѣсь мы встрѣчаемся съ такими явленіями, которыя составляютъ гордость чело- вѣчества: всѣ индивидуальныя усилія мысли и генія, благородныя порывы общественнаго чувства, мудрость законодателя, вдохновеніе артиста.

Нельзя отрицать, наконецъ, и того, что состав- ляетъ драгоцѣннѣйшую надежду чловѣчества: возмож- ность воздѣйствія этикъ индивидуальныхъ, единичныхъ усилій на ниже лежащіе слои исторической жизни, воз- можности проникновенія въ массу высшихъ плодовъ че- ловѣческой культуры. Въ послѣднемъ случаѣ, по мѣрѣ расширенія сферы своего дѣйствія, эти явленія даже могутъ потерять свой единичный характеръ и приобрѣ- сти значеніе общей причины. Но отсюда далеко еще до утвержденія Карлейля: Всемирная исторія, исторія того, что люди сдѣлали въ этомъ мѣрѣ, есть въ сущ- ности, какъ я понимаю ее, говоритъ онъ въ своемъ "культѣ героевъ" - исторія, дѣйствующихъ въ мѣрѣ, ве- лкихъ людей. Они были руководителями людей, эти ве- ликаны, созидателями, образцами, творцами всего. что стремилась создать и чего стремилась достигнуть че- ловѣческая толпа: все, что мы видѣли осуществленнымъ